

A black and white photograph of a snowy village scene. In the foreground, a person in a dark coat and hat walks away from the camera towards a body of water. The village is built on a hillside, with several houses of varying sizes and colors (white, red, brown) visible. The houses have snow on their roofs and the surrounding landscape is covered in snow. In the background, there are steep, snow-covered mountains.

В МИРЕ
ПРОДАНО
БОЛЕЕ
33 000 000
КНИГ
Ю НЕСБЁ

СНЕГОВИК Ю НЕСБЁ

НА ВСЕХ МИРОВЫХ ЭКРАНАХ

Инспектор Харри Холе

Ю Несбё
Снеговик

«Азбука»

2007

УДК 821.135.5-312
ББК 84(4Нор)-44

Несбё Ю.

Снеговик / Ю. Несбё — «Азбука», 2007 — (Инспектор Харри Холе)

ISBN 978-5-389-05358-8

Поистине в первом снеге есть что-то колдовское. Он не только сводит любовников, заглушает звуки, удлиняет тени, скрывает следы. Годами в Норвегии в тот день, когда выпадает первый снег, бесследно исчезают замужние женщины. На этот раз Харри Холе сталкивается с серийным убийцей на своей родной земле, и постепенно их противостояние приобретает личный характер. Преступник, которому газеты дали прозвище Снеговик, будто дразнит старшего инспектора, шаг за шагом подбираясь к его близким... Подробный гид по творчеству Ю Несбё читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.135.5-312
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-389-05358-8

© Несбё Ю., 2007
© Азбука, 2007

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ю Несбё Снеговик

Jo Nesbø
SNØMANNEN

Copyright © Jo Nesbø 2007
All rights reserved
Published by agreement with Salomonsson Agency

Серия «Звезды мирового детектива»

© Е. Гудова, перевод, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть первая

Глава 1

Среда, 5 ноября 1980 года. Снеговик

В тот день выпал снег. В одиннадцать утра огромные хлопья неожиданно повалили с бесцветного неба – будто вражеская армада из параллельного мира без боя захватила участки, садики и газоны Румерике. В два часа на Лиллестрём уже работали снегоуборочные машины, а когда в половине третьего Сара Квинесланн медленно и осторожно вела свою «той-оту-короолу» между виллами по улице Колловейен, на окрестных холмах пуховым одеялом лежал ноябрьский снег.

При свете дня дома казались ей незнакомыми, так что она даже проехала мимо въезда в его гараж. Сара резко затормозила, машина заскользила, и с заднего сиденья раздался вскрик. В зеркале показалась недовольная физиономия сына.

– Я недолго, дружок, – сказала она.

Перед гаражом на белом снегу чернел большой прямоугольник асфальта. Она догадалась, что тут был припаркован соседский автомобиль. У нее перехватило горло: только бы не опоздать!

– А кто здесь живет? – спросил мальчик.

– Да так, один знакомый, – ответила Сара и машинально поправила прическу, глядя в зеркало. – Меня не будет минут десять, дружок. Я оставлю ключи, если хочешь, послушай радио.

Не дожидаясь ответа, она вышла и засемила в скользких туфлях к двери, через которую множество раз входила и выходила, но никогда вот так, среди бела дня, под любопытными взглядами из окон соседних коттеджей. Внутри дома, словно шмель в банке с вареньем, прожужжал звонок. С нарастающим отчаянием она ждала, поглядывая в ближайшее окно, в котором отражались черные голые яблони, серое небо и белые, будто залитые молоком, окрестности. Услышав наконец шаги за дверью, Сара с облегчением вздохнула и в следующее мгновение бросилась к нему в объятия.

– Не уезжай, любимый, – взмолилась она, еле сдерживая рвущиеся из груди рыдания.

– Мне надо, – ответил он тоном, каким повторяют до смерти надоевший припев.

Его руки нащупывали знакомые тропы – тропы, по которым он никогда не уставал бродить.

– Нет, тебе не надо, – прошептала она ему на ухо. – Ты сам хочешь уехать. Тебе тут скучно.

– Ну уж с тобой-то мне не бывает скучно...

Она уловила в голосе недовольство, хотя его руки, сильные и мягкие, тем временем скользили по ее коже, вниз по пояснице, забираясь под юбку, в колготки. Он и Сара были как опытная пара танцоров, чувствующих малейшее движение друг друга, дыхание, ритм. Вначале белый прекрасный пламень – любовь. Затем черный – боль.

Его руки приподняли ее пальто, потянулись под толстой тканью к соскам. Он обожал ее соски, подолгу ласкал – может, оттого, что у него их вообще не было.

– Ты припарковалась перед гаражом? – спросил он и с силой ущипнул их.

Она кивнула и почувствовала, как боль будто выпустила ей в голову стрелу желания. Ее лоно распахнулось навстречу его пальцам, которые вот-вот окажутся там.

– Да. Мальчик ждет в машине.

Его руки замерли.

– Он ничего не знает, – простонала она, почувствовав, что его руки медлят.

– А твой муж? Он где?

– Где он может быть? На работе, конечно.

Теперь уже в ее голосе звучала досада. Потому что он впутал в разговор ее мужа, а она слова о нем не могла сказать не раздражаясь. А еще потому, что ее тело требовало его немедленно. Сара Квинесланн расстегнула молнию на его брюках.

– Не надо... – начал он и схватил ее за запястье. Но тут она сильно ударила его другой рукой.

Он изумленно посмотрел на нее, а на скуле уже расплывалось красное пятно. Она вцепилась в его густые черные волосы и притянула его лицо к своему.

– Тебе придется уехать, – прошептала она. – Но сначала тебе придется трахнуть меня, понятно?

Она чувствовала его дыхание на своем лице. Теперь его было не остановить. Она еще раз ударила его свободной рукой, и его член начал набухать в ее ладони.

Он все еще двигался резко и сильно, но она уже кончила. Она оцепенела, волшебство исчезло, напряжение спало, и к ней вновь подступило отчаяние. Ей его не хватало. Даже теперь, когда он был рядом, ей его не хватало. Не хватало всех этих лет, что она провела в тоске, всех слез, что выплакала, всех тех отчаянных поступков, которые он заставлял ее совершать. Не давая взамен ничего. Ничего абсолютно.

Стоя с закрытыми глазами у края кровати, он продолжал свое дело. Сара взглянула на его грудь. Она долго не могла привыкнуть, но потом ей даже стала нравиться эта абсолютно гладкая белая кожа, обтягивавшая грудные мышцы. Она напоминала ей древние статуи, у которых, в угоду всеобщей стыдливости, тоже не было сосков.

Его стоны становились все громче. Она знала, что он вот-вот кончит с яростным рычанием. Ей нравилось, когда он так рычал. И это вечно удивленное, охваченное экстазом, почти болезненно искаженное лицо – будто оргазм каждый раз превосходил самые смелые его ожидания. Теперь она просто дожидалась его финального рыка – прощального мычания в холодной коробке его спальни, где рябило от фотографий, гардин, ковров. Скоро он оденется и уедет на другой конец страны, туда, где, по его словам, он получил деловое предложение, от которого не мог отказаться. Зато вот от этого он сможет отказаться. От этого. И все равно будет рычать от наслаждения.

Она закрыла глаза. Но рычания не последовало. Он остановился.

– Что случилось? – Сара открыла глаза.

Его лицо было перекошено. Но не от наслаждения.

– Рожа, – прошептал он.

Она вся сжалась:

– Где?

– Там, за окном.

Окно располагалось у изголовья кровати, прямо над ее головой. Она выгнулась и почувствовала, как он, уже опавший, выскользнул из нее. Окно было слишком высоко, так что лежа она не сумела ничего увидеть. И слишком высоко, чтобы кто-то мог заглянуть снаружи.

– Это было твое лицо, – произнесла она почти умоляющим тоном.

– Я тоже так сначала подумал, – отозвался он, продолжая смотреть в окно.

Сара встала на колени, взглянула. И там... там точно было чье-то лицо.

Она громко рассмеялась от облегчения. Лицо было белое, рот и глаза выложены черными камушками, подобранными, очевидно, на обочине дороги. А руки сделаны из яблоневых веток.

– Господи, – прошептала она, – да это же просто снеговик!

Смех перешел в слезы, она беспомощно разрыдалась и тут же почувствовала, как его руки обнимают ее.

– Мне пора, – всхлипнула она.

– Побудь еще немного, – попросил он.

И она побыла еще немного.

Подходя к гаражу, Сара бросила взгляд на часы: прошло уже почти сорок минут.

Он обещал позванивать время от времени – всегда был большой мастер по части обещаний, и теперь она была этому даже рада. Сквозь запотевшие стекла машины она разглядела смутно белевшее лицо мальчика, который уставился на нее с заднего сиденья. Она рванула дверь и, к своему удивлению, обнаружила, что та закрыта на замок. Сын открыл, только когда она постучалась.

Сара уселась за руль. Радио молчало, в салоне царил ледяной холод. Ключи лежали на пассажирском кресле. Она обернулась: ее мальчик был бледен, а нижняя губа у него дрожала.

– Случилось что-то ужасное? – спросила она.

– Да, – ответил он. – Я его видел.

В его голосе звучал тоненький, царапающий кожу страх, какого она не помнила с тех самых пор, когда он был совсем маленьким и сидел между ней и мужем на диване перед телевизором, закрывая ладошками глаза. А теперь у него ломался голос, он перестал обнимать ее на ночь, начал интересоваться автомобильными двигателями и девочками. Однажды он сядет с одной из них в машину и тоже уедет от нее.

– Кого? – Сара вставила ключ в замок зажигания и повернула.

– Снеговика...

Двигатель молчал, и ее внезапно охватила паника. Как раз то, чего она боялась. Она повернула ключ еще раз, уставившись в лобовое стекло. Может, сел аккумулятор?

– А как он выглядел, снеговик-то? – Она выжимала до отказа газ и поворачивала ключ в замке с такой отчаянной силой, будто хотела его сломать.

Сын ответил, но его слова заглушил рев мотора – машина завелась.

Сара переключила передачу и резко сбросила сцепление, стремясь во что бы то ни стало поскорее убраться отсюда. Колеса забуксовали в свежевыпавшем мягком снегу. Она добавила газу, но машина так и стояла на месте, только задние колеса заскользили вдоль обочины. Но тут покрышки добурились наконец до асфальта, машина рванулась вперед и выехала на дорогу.

– Папа нас ждет, – сказала Сара. – Поехали быстрее.

Она включила радио и выкрутила звук на полную, чтобы салон наполнился хоть какими-то звуками, кроме ее собственного голоса. Диктор новостей в сотый раз сообщил, что этой ночью Рональд Рейган обошел в президентской гонке Джимми Картера.

Мальчик снова что-то сказал, и она взглянула в зеркало.

– Что ты говоришь? – повысила она голос.

Он повторил, но она опять не расслышала, убрала звук и повела машину к главной дороге и реке, которые двумя траурными лентами пересекали окрестности. И вдруг вздрогнула, потому что сын перегнулся к ней между передними сиденьями. Его голос сухим шепотом засвистел прямо у ее уха, как будто он боялся, что их услышат:

– Мы умрем.

Глава 2

2 ноября 2004 года. День первый. Каменные глаза

Харри Холе вздрогнул и открыл глаза. Было холодно, а из темноты доносился голос, который его и разбудил. Он сообщал, что американский народ должен сегодня решить, просидит ли Джордж Уокер Буш еще четыре года в Белом доме. Ноябрь, подумал Харри, встаешь – еще темно, приходишь со службы – уже темно. Он откинул одеяло и опустил ноги на пол. Линолеум был обжигающе холодный. Не выключив радиобудильник, Харри пошел в ванную. Посмотрел в зеркало. И тут ноябрь: смятый, бледно-серый, сумрачный. Веки, как обычно, красные, поры на носу будто большие черные кратеры. Под светло-голубыми глазами, в которых плескался алкоголь, – мешки, но они исчезнут после того, как их обладатель получит горячую ванну, массаж жестким полотенцем и завтрак. По крайней мере, он на это надеялся. Интересно, каким станет его лицо, если он бросит работу? Разгладятся ли морщины, смягчится ли затравленное выражение лица, с которым он просыпается после ночи, полной кошмарных снов? А ведь у него чуть не каждая ночь такая! Харри довольно долго избегал зеркал, боялся в них заглядывать, но, покидая свою маленькую спартанскую квартиру на Софиес-гате (чтобы, миновав несколько улиц, превратиться в старшего инспектора отдела по расследованию убийств Полицейского управления Осло), все всматривался в лица людей, выискивая их боль, слабости, страхи, причины для самообмана. И пока рылся в нагромождениях их лжи, безуспешно старался понять, зачем он это делает. Для чего пытается разобраться в людях, которые сами даже не пробуют разобраться в себе. За острой стеной их ненависти он слишком часто распознавал презрение.

Харри попытался рукой пригладить жесткую щетку своих коротко стриженных светлых волос, которая располагалась в ста девяносто трех сантиметрах от замерзших ступней. Ключицы, обтянутые кожей, напоминали клещи. Закончив последнее дело, он много тренировался – кое-кто считал, что чересчур много. Помимо езды на велосипеде, он начал качаться в спортивном зале, находившемся в подвальном этаже здания Полицейского управления. Ему нравилась боль в мышцах, которая выжигала и вытесняла мысли. Но Сталлоне из него не вышло: он только худел, а мышечная масса не увеличивалась, мускулы залегли прослойкой между скелетом и кожей. Харри по-прежнему был широкоплеч – Ракель недаром называла его «атлет от природы», – но теперь все больше походил на освежеванного белого медведя (он как-то видел картинку: мускулистый, но поразительно худой хищный зверь). Так можно и вообще исчезнуть. Харри вздохнул. Ноябрь. Скоро будет еще темнее.

Он вошел в кухню, выпил стакан воды, чтобы унять головную боль, и удивленно сощурился, глядя в окно: крыша на другой стороне Софиес-гате сверкала белизной, и отраженный свет резал глаза. Ночью выпал первый снег. Харри подумал о письме. Он частенько получал похожие письма, но это было особенным, в нем упоминался Тувумба.

По радио началась программа о природе, чей-то радостный голос рассказывал о тюленях:

– Каждое лето они собираются на побережье Берингова моря и спариваются. Поскольку самцов больше, конкуренция за самок довольно жесткая. Поэтому самец, добившийся самки, остается с ней до следующего брачного периода. Самец заботится о своей паре, пока появившиеся на свет дети не станут самостоятельными. Впрочем, дорожит самец не самкой, а своими генами и продолжением рода. В рамках теории дарвинизма это означает, что к моногамии тюлень подталкивает естественный отбор и борьба за выживание, а не мораль.

Ну надо же, подумал Харри.

Переполнившись восхищением, голос в радиоприемнике срывался на фальцет:

– Но прежде чем тюлени покинут побережье Берингова пролива и отправятся на поиски пропитания в открытое море, самец часто пытается убить самку. Почему? Да потому, что самка

тюленя никогда не станет спариваться дважды с одним и тем же самцом! Она поступает так из соображений равномерного распределения рисков – точно так же, как на фондовом рынке. Промискуитет для нее биологически оправдан, и самец об этом знает. Убив свою самку, самец рассчитывает помешать молодняку других тюленей конкурировать в добыче пищи с его собственными детьми.

– Если уж речь зашла о теории Дарвина, то почему люди поступают не так, как тюлени? – спросил другой голос.

– Именно что поступают! Наше общество – и сейчас, и в прошлом – вовсе не так моногамно, как кажется на первый взгляд. Проведенное в Швеции исследование показало, что от пятнадцати до двадцати процентов детей на самом деле рождены не от того отца, которого они считают своим и который их также полагает родными. Двадцать процентов! То есть каждый пятый ребенок! Каждый пятый рожден во лжи, но при этом – в целях биологического многообразия.

Харри начал крутить рукоятку настройки в поисках сносной музыки. Он остановился на Джонни Кэше, исполнявшем старый хит группы «Eagles» «Desperado».

И тут в дверь громко постучали.

Харри пошел в спальню, натянул джинсы, вернулся в прихожую и открыл дверь.

– Харри Холм? – Человек в рабочем комбинезоне, стоявший в дверях, смотрел на Харри сквозь толстые стекла очков. Глаза у него были чистые, как у ребенка.

Харри кивнул.

– Грибок у вас есть? – серьезно спросил человек.

Наискось через лоб у него была начесана длинная прядь волос – будто приклеенная. Под мышкой – пластиковый планшет с прикрепленным к нему густо исписанным листом бумаги.

Харри подождал хоть какого-то объяснения, но его не последовало. Человек молча, не мигая смотрел на него.

– Знаете, – сказал Харри, – это все-таки очень интимный вопрос.

Человек выдавил улыбку, ясно показывающую, как ему все это осточертело:

– Грибок в квартире. Настенный грибок.

– У меня нет никаких оснований так думать, – ответил Харри.

– С грибком так всегда. Он редко когда дает такие основания. – Человек почесал висок и покачался на каблуках.

– Но? – поощрил его Харри.

– Но он там есть.

– А почему вы так думаете?

– У ваших соседей грибок есть.

– Ах вот оно что! Вы думаете, он распространился ко мне?

– Настенный грибок не распространяется. Домовый – да.

– Ну и?..

– В вентиляции вашего дома, которая идет вдоль стен, где-то есть дефект конструкции. Из-за этого разрастается настенный грибок. Можно мне взглянуть на вашу кухню?

Харри посторонился. Человек устремился в кухню, где немедленно приложил к стене оранжевый прибор, похожий на фен для волос. Тот два раза пискнул.

– Измеритель влажности, – пояснил человек и посмотрел на что-то вроде индикатора. – Я так и думал. Вы уверены, что не видели ничего необычного? Не улавливали никаких неприятных запахов?

Харри взглянул на него с недоумением.

– Пятна как на старом хлебе? – вопрошал человек. – Запах гнили?

Харри покачал головой.

– Может, у вас болят глаза? – настаивал человек. – Чувствуете порой усталость? Голова болит?

– Естественно, – пожал плечами Харри. – Сколько себя помню.

– То есть все время, пока тут живете?

– Ну... наверное. Послушайте...

Но человек не слушал. Он достал из-за ремня нож. Мощный удар – раздался стон: это лезвие прошло между листами гипсокартона под обоями. Человек выдернул нож, вставил обратно и выковырял небольшой кусочек раскрошенного гипса, оставив в стене черную дырку. Потом вынул маленький, размером с авторучку, фонарик и посветил в дырку. Между толстенькими стеклами его очков пролегла глубокая морщина. Человек приблизил к дырке нос и потянул воздух.

– Ну точно, – опечалился он. – Здравствуйте вам.

– Здравствуйте кому? – переспросил Харри и подошел поближе.

– Аспергиллус, – ответил человек, – семейство настенных грибков. Их триста сорок видов, и определить, какой именно, довольно тяжело. Они расползаются тонким слоем за этими прочными панелями. Но запах такой, что ошибки быть не может.

– И что, это плохо? – осведомился Харри и попытался вспомнить, сколько у него осталось на банковском счете, после того как он вместе с отцом оплатил поездку Сестрёныша в Испанию. (Его сестра говорила про себя, что у нее «легкий намек на синдром Дауна».)

– Ну, это не домовый грибок, так что дом, конечно, не рухнет, – по-прежнему не мигая, объяснил человек. – А вот вы можете пострадать.

– Я?

– Он на вас воздействует. Дыша одним воздухом с настенным грибком, можно и заболеть. Вы можете не обращать внимания на недомогание годами, и окружающие будут считать вас просто ипохондриком, потому что грибок обнаружить сложно, а остальные жильцы при этом абсолютно здоровы, поскольку проедает гипсокартон и обои он весьма неравномерно.

– Угу. Что вы предлагаете?

– Покончить с этой дрянью, конечно.

– И сколько мне это будет стоить?

– Расходы оплачиваются из страховки дома, так что вам это не будет стоить ни кроны. Все, что мне надо, – иметь доступ в квартиру в течение нескольких следующих дней.

Харри нашел в кухонном шкафу запасной комплект ключей и протянул их человеку.

– Он будет только у меня, – заверил тот. – Мало ли что. Всякое ведь бывает.

– Неужели? – грустно улыбнулся Харри и посмотрел в окно.

– Что?

– Да ничего, – успокоил его Харри. – Тут все равно красть нечего. Мне пора.

Низкое утреннее солнце сияло во всех окнах Полицейского управления Осло, которое вот уже почти тридцать лет располагалось на вершине одного из холмов, тянувшихся от Грёнланна до Тейена. Отсюда полицейским – хотя вслух об этом старались не говорить – было рукой подать до самых криминогенных районов, заселенных в основном эмигрантами, да и Байерн, столичная тюрьма, находилась совсем рядом. Здание управления было окружено газоном с бурой, жухлой травой, кленами да липами, которые за ночь покрылись тонким слоем сероватого снега, словно пытавшегося замаскировать непрезентабельность полицейского пейзажа.

Харри прошел по черному асфальту тропинки к главному входу и оказался в центральном холле, где висело фарфоровое настенное панно работы Кари Кристенсена со струящейся по нему водой, которая все нашептывала кому-то о своих неизбывных тайнах. Кивнув охраннику за стойкой, он поднялся на лифте на шестой этаж, в отдел убийств. Полгода назад ему выделили в красной зоне собственный кабинет, но он продолжал заходить в тот, что делил

раньше с Джеком Халворсеном, – тесный и без окон. Теперь там сидел Магнус Скарре. А Джек Халворсен лежал в сырой земле на кладбище Вестре-Акера. Родители сначала хотели похоронить его в родном городе, на севере страны, поскольку Джек и Беата Лённ – шеф криминалистического отдела – не были женаты и даже не жили вместе. Но потом, узнав, что Беата беременна и к лету должна родить от Джека ребенка, согласились похоронить в Осло.

Харри вошел в новый кабинет, который – он точно знал – навсегда останется для него новым. Это примерно как домашний стадион футбольного клуба «Барселона», каковой уже пятьдесят лет по-каталански называется «Камп ноу» – «Новый стадион». Харри опустил в кресло и включил радио, поздоровавшись кивком с фотографиями, которые стояли на полке, прислоненные к стене, а когда-нибудь – когда он наконец не забудет купить шурупы – будут висеть на стене. И Эллен Йельтен, и Джек Халворсен, и Бьярне Мёллер. Так они и стояли – в хронологическом порядке. Dead Policemen's Society – общество мертвых полицейских.

По радио норвежские политики и политологи высказывались об американских президентских выборах. Харри узнал голос Арве Стёпа, владельца популярной газеты «Либерал», известного как самый ловкий, наглый и остроумный «властитель дум» в стране. Харри сделал погромче и взял со стола наручники фирмы «Пирлесс». Искусству скоростного застегивания наручников, отточенному на ножке стола, здорово разлохматившейся от подобного обращения, он обучился во время стажировки на курсах ФБР в Чикаго и отшлифовал его до совершенства одинокими вечерами в паршивой комнатенке в Кабрини-Грин под вопли ссорящихся соседей и с «Джимом Бимом» в качестве единственного собеседника. Задача заключалась в том, чтобы набросить открытые наручники на запястье арестанта и мгновенно защелкнуть замок. Точность движений и правильное распределение силы позволяло одним простым движением руки крепко приковать к себе арестанта, прежде чем он опомнится. Самому Харри никогда еще не приходилось применять этот прием, и лишь однажды, когда брали серийного убийцу, им воспользовался парень, которому он его показал. Наручник защелкнулся на ножке стола, а голос по радио прожужжал:

– Как вы думаете, Арве Стёп, на чем основывается скептическое отношение норвежцев к Джорджу Бушу?

– На том, что мы – слишком избалованная страна, которая никогда, по сути, не ввязывалась ни в какие войны, предпочитая, чтобы за нас воевали другие: Англия, Советский Союз и США. Ну а мы со времен Наполеоновских войн прячемся за спины старших братьев. Норвегия строит свою безопасность на том, что, когда приходится туго, ответственность на себя берет кто-то другой. И длится это уже так давно, что мы потеряли чувство реальности и свято верим: на земле живут только те, кто желает нам – самой богатой стране мира – исключительно добра. Норвегия ведет себя как болтливая тупая блондинка, которая вышла прогуляться на задворках Бронкса, а теперь негодует, что ее телохранители так жестоко обращаются с теми, кто на нее напал.

Харри набрал телефон Ракели, единственный, кроме номера Сестрёныша, который он знал наизусть. Когда он был молод и неопытен, то думал, что плохая память – недостаток для следователя. Теперь он точно знал: так оно и есть.

– А под телохранителем подразумеваются США и президент Буш? – спросил ведущий программы.

– Да. Линдон Джонсон сказал однажды, что у США не было выбора, становиться им или нет, учитывая, что больше никто не вызвался. Наш телохранитель – парень из новых христиан с эдиповым комплексом и проблемами с алкоголем, достаточно ограниченный интеллектуально и морально, чтобы честно нести военную службу. Короче, тот самый парень, которого, к нашей радости, и выбрали американцы себе в президенты.

– Я так понимаю, это ирония?

– Вообще-то нет. Такому слабому президенту нужны будут советники, а в Белом доме они, поверьте, самые лучшие. Если кто-то, насмотревшись этого нелепого телесериала про Овальный кабинет, подумает, что у демократов какая-то монополия на умных людей, то при знакомстве с крайне правым крылом республиканцев он с удивлением обнаружит умы просто величайшие. Безопасность Норвегии в самых надежных руках.

– Подружка моей подружки спала с тобой, – зазвучал в трубке голос Ракели.

– Правда? – удивился Харри.

– Не с тобой, – объяснила Ракель. – Это я Стёпу говорю.

– Пардон. – Харри сделал радио потише.

– В Тронхейме после лекции он пригласил ее в свой номер. Она согласилась, но предупредила, что у нее удалена одна грудь. Он сказал, что ему надо подумать, и отправился в бар. Потом вернулся и увел-таки ее с собой.

– Хм. Надеюсь, его ожидания оправдались.

– Ожидания никогда не оправдываются.

– Точно, – ответил Харри, пытаясь понять, что она имеет в виду.

– Планы на сегодняшний вечер? – спросила Ракель.

– В восемь часов в «Палас-гриле». Но там какая-то ерунда: нельзя заказать столик заранее. Что они этим хотят сказать?

– Думаю, это особый шик.

Они договорились встретиться в баре неподалеку. Повесив трубку, Харри задумался. Судя по голосу, Ракель ему обрадовалась. Или просто была в настроении. В настроении его увидеть. Он попытался понять: а он-то сам рад за нее? Рад ли он, что женщина, которую он так любил, теперь счастлива с другим мужчиной? В свое время был шанс и у него. И он его упустил. Так отчего же не радоваться тому, как у нее все хорошо сложилось, почему бы не отбросить наконец мысль о том, что у них все могло пойти по-другому, и не начать жить своей жизнью? Харри пообещал себе приложить к этому еще больше стараний.

Утреннее совещание закончилась быстро. Гуннар Хаген – комиссар, начальник отдела убийств – говорил о текущих делах. А поскольку никаких новых дел не было, то ни сотрудников, ни присутствовавших на совещании журналистов заинтересовать ему не удалось. Правда, Томас Хелле из отдела розыска пропавших без вести доложил о расследовании по делу женщины, которая год назад исчезла из собственного дома. Никаких следов насилия, никаких следов преступника, никаких следов ее самой. Она была домохозяйкой, в последний раз ее видели в детском саду, куда она привела сына и дочь. У мужа и всех знакомых было алиби, уже проверенное. Хелле получил совет проконсультироваться по делу в отделе убийств.

Магнус Скарре передал всем привет от Столе Эуне – штатного психолога, которого он вчера навещал в Уллеволской больнице. Харри ощутил укол совести. Столе Эуне был не только коллегой по работе, но и его личным секундантом в борьбе с алкоголем, а также ближайшим и верным другом. Эуне госпитализировали с неясным диагнозом уже больше недели назад, а Харри все еще не удалось победить свою неприязнь к больнице. «В среду обязательно, – пообещал себе Харри. – Или в четверг».

– У нас новый сотрудник, – сообщил Гуннар Хаген. – Катрина Братт.

В первом ряду встала молодая женщина. Смотри-ка ты, настоящая красавица! И ведь не старается понравиться, подумал Харри. Тонкие темные волосы безжизненно свисали по обеим сторонам лица. Само личико было тонким, бледным и имело выражение серьезное, почти усталое, – такое Харри видел у записных красоток, которые настолько привыкли, что их вечно разглядывают, что потеряли к этому всякий интерес. Катрина Братт была одета в синий костюм, подчеркивавший ее женственность, но толстые черные колготки и простые удобные туфли безосшибочно указывали: играть на этом она не собирается. Она стояла и скользила взглядом по

присутствующим, как будто специально встала, чтобы рассмотреть их, а не для того, чтобы себя показать. Харри готов был поручиться, что она тщательно продумала и костюм, и весь этот маленький спектакль, который давала в свой первый рабочий день в Полицейском управлении.

– Катрина четыре года проработала в отделе нравов Управления полиции Бергена, а также какое-то время в отделе убийств, – продолжил Хаген, посматривая в листок, который, как понял Харри, был ее резюме. – Закончила юридический факультет Бергенского университета в тысяча девятьсот девяносто девятом году, затем полицейскую академию, ну а теперь, стало быть, будет работать здесь. Детей пока нет, зато замужем.

Катрина Братт чуть заметно приподняла тонкую бровь. То ли Хаген это увидел, то ли догадался, что последняя фраза была лишней, только он добавил:

– Если кому интересно, конечно...

Последовала напряженная и многозначительная пауза, которая убедила Хагена в том, что он наломал дров. Он запнулся, крякнул, а потом предупредил тех, кто еще не записался на рождественский обед, что они должны успеть сделать это до среды.

Когда задвигались стулья, Харри уже был в коридоре. Его остановил голос:

– А я ваша.

Харри обернулся, встретил взгляд Катрины Братт и восхитился: какой красавицей она может быть, если захочет!

– Или вы мой, – улыбнулась она, показав ряд ровных зубов, но глаза ее оставались серьезными. – Это как посмотреть.

У нее был правильный бергенский выговор с небольшим акцентом, который натолкнул Харри на мысль, что родом она из Фаны, или Калфарета, или другого солидного места.

Он двинулся дальше, Катрина торопливо шагала рядом.

– Такое впечатление, что комиссар вас ни о чем не предупредил, – произнесла она, преувеличенно нажимая на каждый слог в звании Гуннара Хагена. – Но именно вы должны в течение следующих дней помочь мне осмотреться и ввести в курс дела. Пока я не смогу работать самостоятельно. Как думаете, справитесь?

Харри заставил себя улыбнуться. Катрина ему нравилась, но он был готов в любой момент поменять мнение. Он вообще никогда не лишал человека шанса попасть в черный список.

– Не знаю. – Харри остановился у кофейного автомата. – Давайте тогда начнем.

– Я не пью кофе.

– Не важно. Кофе – это нечто само собой разумеющееся. Как и почти все тут у нас. Что вы думаете о пропавшей женщине?

Харри нажал на кнопку с надписью «американо», которая в данном случае означала совершенно норвежский растворимый кофе.

– Что именно? – спросила Братт.

– Думаете, она жива? – Харри попытался произнести это самым обычным тоном, чтобы она не догадалась, что он ее проверяет.

– Думаете, я дура? – ответила она вопросом на вопрос и с нескрываемым отвращением посмотрела, как автомат с хрипом выплевывает в белый пластиковый стаканчик черную жижу. – Может, вы не слышали, как комиссар сказал, что я четыре года проработала в отделе нравов?

Харри хмыкнул и уточнил:

– Значит, мертва?

– Мертвее не бывает, – подтвердила Катрина Братт.

Харри поднял стаканчик. Возможно, сегодня у него появилась коллега, которую он сможет уважать.

Вечером, когда Харри шел домой, снега на улицах уже не было, а маленькие снежинки, легко кружившиеся в воздухе, влажный асфальт слизывал, как только они его касались. Дойдя

до своего любимого музыкального магазинчика, Харри вошел и быстро купил последнюю запись Нила Янга, как будто боялся, что она протухнет.

Оказавшись в квартире, он почувствовал: что-то не так. Незнакомый звук? Или, может быть, запах? На пороге кухни он застыл как вкопанный. Стены не было. Там, где еще сегодня утром светлые в цветочек обои прикрывали гипсокартон, он увидел ржавого цвета кирпичную стену, серый бетон и грязно-желтый деревянный каркас с дырками от гвоздей. На полу стоял ящик с инструментами специалиста по грибкам, а на кухонном столе лежала записка, где тот сообщал, что вернется завтра утром.

Харри пошел в гостиную, вставил диск Нила Янга в проигрыватель, через четверть часа нашел его отвратительным и решил послушать Райана Адамса. Мысль о выпивке возникла ниоткуда. Харри прикрыл глаза и уставился в танцующую кроваво-черную пустоту. Он снова вспомнил о письме. Первый снег. Тувумба.

Телефонный звонок разорвал песню Райана Адамса «Shakedown On 9th Street» надвое.

Женский голос представился как Уда. Она сообщила, что звонит из редакции программы «Боссе», и поблагодарила за прошлое сотрудничество. Ее саму Харри не вспомнил, зато вспомнил передачу. Это было весной, его попросили принять участие в разговоре о серийных убийцах, поскольку он был единственным полицейским в Норвегии, который изучал эту тему где-нибудь, а в ФБР и к тому же сам охотился за настоящим серийным убийцей. И у Харри хватило глупости согласиться. Себя он постарался убедить в том, что согласился выступить в передаче, чтобы сказать нечто важное – все-таки он профессионал, – а вовсе не для того, чтобы увидеть свою физиономию в самом популярном ток-шоу страны. Потом-то, конечно, он уже не был до конца уверен в двигавших им мотивах. Но это еще не самое худшее. Самое худшее то, что перед съемкой Харри решил пропустить стаканчик. Он твердо помнил, что стаканчик был один, однако на экране Харри выглядел так, будто их было все пять. Артикулировал он прилично – на это он способен в любом состоянии, но взгляд его туманился, он нес какие-то банальности, а к выводам перейти так и не сумел, поэтому ведущий в конце концов пригласил в студию следующего гостя – новоиспеченного чемпиона Европы по икебанае. Харри ни слова не произнес по поводу появления чемпиона, но по всему его виду было совершенно понятно, что он думает обо всех этих цветочных штучках. А когда ведущий спросил Харри, как следователи относятся к норвежской школе цветочного декора, он ответил, что венки на норвежских могилах всегда соответствуют самому высокому европейскому уровню. Вероятно, именно стиль Харри – эдакая небрежность человека слегка «под мухой» – вызвал смех публики в студии, а после передачи – одобрительные похлопывания по плечу от съемочной группы. Он «зажигает» – так они ему сказали. После передачи с небольшой компанией телевизионщиков Харри посидел в Доме искусств, где его напоили так, что на следующий день, когда он проснулся, тело каждой клеточкой вопило и требовало добавить. Была суббота, так что он продолжил квасить до вечера воскресенья, пока не оказался в ресторане «Шрёдер», где орал, чтобы ему принесли пива. Вскоре свет в зале замигал, а Рита – официантка – подошла к нему и сказала: если он немедленно не отправится напрямиком в кровать, его опять перестанут сюда пускать. Но это был последний срыв, с самого апреля у него во рту не было ни капли.

А теперь, стало быть, они снова захотели увидеть его на экране.

Женщина объяснила, что тема передачи – терроризм в арабских странах и отношение к этой машине смерти образованных представителей среднего класса.

– Нет, – отрезал Харри.

– Но мы так хотим видеть именно вас, вы такой... такой рок-н-рольный!

В голосе девушки отчетливо слышалось восхищение, так что он даже засомневался: а вдруг оно настоящее? И тут он ее вспомнил. Она была с ними там, в Доме искусств, в тот вечер. Она была красива и свежа, как родниковая вода, она и говорила, как говорят молодые

и как лепечет родниковая вода. Она смотрела на него с аппетитом хищницы, как будто он был экзотическим блюдом, которое хочется попробовать, да боязно.

– Позвоните кому-нибудь другому, – отказался Харри, положил трубку и, прикрыв глаза, стал слушать, как Райан Адамс вопрошает: «Oh, baby, why do I miss you like I do?»

Сидя на кухонном диванчике, мальчик снизу вверх посмотрел на стоящего рядом отца. Отсвет белого снега, засыпавшего двор, бликовал на его лысом, туго обтянутом кожей массивном черепе. Мама говорила, что у отца такая большая голова, потому что он – большой мозг. А когда мальчик спросил, почему «он мозг», а не «у него мозг», она улыбнулась, погладила его по голове и ответила, что у профессоров физики только так и бывает. «Мозг» только что вымыл картофелины под краном и запихнул их прямым в кастрюлю.

– Пап, а ты картошку-то почистишь? Мама обычно...

– Твоей мамы сейчас нет, Юнас. Так что поступим по-моему.

Он не повысил голос, но Юнас все равно почувствовал раздражение и весь сжался. Он никогда не понимал, почему отец злится. А частенько даже не замечал, что тотуже разозлился. Мальчик соображал, что дело плохо, лишь когда мама по-особому поджимала губы, что раздражало отца еще сильнее. Скорее бы она пришла.

– Крайние тарелки, пап!

Отец с силой захлопнул дверцу шкафа, и Юнас тут же прикусил губу, но лицо отца уже приблизилось, и глаза сощурились за тонкими стеклами прямоугольных очков.

– Не «крайние» это называется, а «те, что стоят с краю». Сколько раз я тебе уже говорил?

– А мама...

– Мама говорит неправильно. В той части Осло и в той семье, в которой она родилась, на норвежский не обращают внимания.

Из рта у отца пахло солеными гнилыми водорослями.

В дом кто-то вошел.

– Привет! – донеслось из прихожей.

Юнас хотел было побежать маме навстречу, но отец удержал его за плечо и показал на ненакрытый стол.

– Какие же вы молодцы!

Она стояла в дверях у него за спиной, и Юнас угадал в ее запыхавшемся голосе улыбку. Он принялся поспешно расставлять чашки и раскладывать приборы.

– А какого прекрасного огромного снеговика вы слепили!

Юнас вопросительно повернулся к матери, которая расстегивала пальто. Такая красивая. Смуглая, темноволосая, как и он сам. С нежным-нежным выражением глаз. Почти всегда. Почти. Теперь она уже не такая стройная, как на свадебных фотографиях, но когда они недавно ездили отдыхать в деревню, он видел, что мужчины на нее заглядывались.

– Никакого снеговика мы не лепили, – сказал Юнас.

– Разве? – наморщила лоб мама, разматывая длинный толстый розовый шарф, который он подарил ей на Рождество.

Отец подошел к окну:

– Наверное, соседские дети.

Юнас забрался на стул и выглянул на улицу. А там, посреди газона, прямо напротив их дома, и правда стоял большой снеговик. Глаза и рот выложены камешками, а нос сделан из морковки. Шляпы и шарфа у него не было, да и рука была всего одна – тонкая веточка, выдержанная, как догадался Юнас, из изгороди. И еще кое-что было не так: снеговик стоял неправильно. Юнас не смог бы этого объяснить, но чувствовал: снеговика надо было ставить лицом к дороге, к открытому пространству.

– А почему... – начал он, но отец его перебил:

- Я с ними поговорю.
- Зачем? – спросила мама из прихожей. Судя по звуку, она расстегивала молнию на высоких черных кожаных сапогах. – Это ничего не даст.
- Я не хочу, чтобы по моему участку кто-то шатался. Вот вернусь и поговорю.
- Мать в прихожей вздохнула:
- А когда ты вернешься, дорогой?
- Завтра.
- В котором часу?
- Это что? Допрос? – Отец произнес это с деланным спокойствием, и Юнас поежился.
- Мне бы хотелось, чтобы обед был готов к твоему возвращению, – отозвалась мать.
- Она вошла в кухню, заглянула в кастрюлю и сделала огонь посильнее.
- К чему эти хлопоты? – буркнул отец, отвернувшись к стопке газет, что лежала на диванчике. – Вернусь, и приготовишь.
- Ну хорошо. – Мать подошла к отцу и обняла его со спины. – Неужели тебе действительно надо в Берген на ночь глядя?
- Лекцию я читаю в восемь утра, – объяснил отец. – Час уйдет только на то, чтобы добраться от самолета до университета, так что я даже думать не хочу о том, чтобы лететь первым утренним рейсом.
- Юнас заметил, как расслабились мускулы у отца на шее – мама опять подобрала правильные слова.
- А почему снеговик смотрит на наш дом? – спросил Юнас.
- Иди-ка вымой руки, – приказала мать.

Ели в тишине, прерываемой короткими вопросами матери о делах в школе и расплывчатыми ответами Юнаса. Вот повезло, что отец не принялся за свои невыносимые расспросы о том, что они сегодня проходили – или не проходили – в «этой убогой школе»! Еще хуже было бы, если б родители учинили Юнасу быстрый допрос о том, с кем из ребят он играл, кто их родители и откуда они родом. Юнас, к раздражению отца, никогда не мог дать на такие вопросы удовлетворительных ответов.

Улегшись в кровать, Юнас слушал, как внизу отец прощается с матерью, как хлопает дверь и отъезжает машина. Они опять остались одни. Мать включила телевизор. Мальчик вспомнил, как она пыталась узнать у него, почему он больше не приглашает к себе друзей. Юнас не знал, что ответить: ему ведь не хотелось, чтобы она начала себя ненавидеть. Вместо этого он сейчас лежал и ненавидел себя самого. Юнас укусил себя за щеку, так что боль выстрелила в ухо, и уставился в потолок, на «музыку ветра» – звенящие металлические трубки. Он встал, дошаркал до окна и выглянул наружу.

Снег во дворе отражал достаточно света, чтобы он мог различить снеговика, стоящего внизу. Одинокий такой. Надо бы сообразить ему шапку и шарф. И может, даже метлу. В этот момент луна показалась из-за туч. Свет упал на темный двор. И на глаза снеговика. Юнас затаил дыхание и попятился от окна. Глаза из гравия слабо сверкнули. И смотрели они не просто на двор. Они были направлены вверх. Прямо на него. Юнас задернул шторы и забрался в кровать.

Глава 3

День первый. Кошениль

Харри сидел у стойки в «Палас-гриле» и читал составленный в любезных выражениях плакат, в котором гостей бара просили не требовать налить в долг, не стрелять в пианиста и вообще – «Be Good Or Be Gone». Вечер был ранний, посетителей мало. Две девчушки за столиком трещали каждая в свой мобильный, а двое парней играли в дартс, демонстрируя великолепную технику во всем, что касалось стойки и броска, и паршивые результаты. Долли Партон, диск которой, как понял Харри, поставил какой-то любитель старого доброго кантри, гнусавила в динамиках с присущим ей сильным южным акцентом. Харри посмотрел на часы и заключил сам с собой пари, что Ракель Фёуке появится в дверях ровно в семь минут девятого. Он узнал особое царапающее ощущение, посещавшее его каждый раз перед встречей с ней. Сам себе он сказал, что это условный рефлекс, остаточная реакция, как у собаки Павлова, которая начинала истекать слюной при звуке звонка, предвещавшего появление еды, даже когда самой еды не было и в помине. А сегодня вечером еды не будет, то есть будет как раз просто еда. Они поужинают и мило побеседуют о своей теперешней жизни. И об Олеге – сыне Ракели от бывшего мужа, русского, с которым она познакомилась, когда работала в норвежском посольстве в Москве. Мальчик был очень застенчив, неразговорчив, но Харри удавалось с каждой встречей подружиться с ним крепче и крепче; отношения у них были даже ближе и доверительнее, чем у самого Харри с собственным отцом. Так что, когда Ракель наконец ушла от него, он не знал, какая потеря больше. Теперь-то он ясно понял какая. Потому что было ровно семь минут девятого, и она в самом деле стояла в дверях: расправленные плечи, которые он когда-то обнимал, высокие скулы, обтянутые светящейся кожей, к которой он когда-то прижимался. Он надеялся, что она не будет выглядеть такой красивой. Такой счастливой. Она подошла к нему, и их щеки соприкоснулись. Он горько пожалел, что упустил ее.

– Что ты так смотришь? – спросила она, расстегивая пальто.

– Сама знаешь, – сипло ответил он и выругал себя за то, что позволил ей услышать, как у него перехватило горло.

Она громко рассмеялась, и этот смех подействовал на него, как первый стакан «Джима Бима»: Харри согрелся и расслабился.

– Не надо, – сказала она.

Он отлично знал, что означает ее «не надо»: «Не начинай, не мучайся, ничего не выйдет». Она произнесла это тихо, еле слышно, но все равно его обожгло как пощечиной.

– Ты похудел, – сказала она.

– Все так говорят.

– Что со столиком?

– Метрдотель нас позовет.

Она села за стойку рядом с ним и заказала аперитив – разумеется, кампари. Харри когда-то звал ее Кошениль – так называется натуральный пигмент, придающий этому пряному сладкому напитку его особенный цвет. Она и в одежде предпочитала красные тона. Сама-то Ракель настаивала, что это отпугивающая окраска, как у зверей, которые таким образом дают человеку понять, чтобы он держался подальше.

Харри заказал еще одну колу.

– Почему ты похудел? – поинтересовалась она.

– Грибок.

– Что?

– Ну, ему же надо кормиться. Мозгами, глазами, легкими. Сознанием. Высасывает цвет лица и память. Грибок растет, я исчезаю. Он становится мной, а я им.

– Что ты несешь? – перебила она с отвращением на лице, но в глазах Харри разглядел улыбку.

Она любила, когда он что-нибудь рассказывал, даже когда он нес явную чушь. Он рассказал о грибке в квартире.

– А у тебя как дела?

– Отлично. У меня все хорошо, у Олега тоже. Вот только он по тебе скучает.

– Так и сказал?

– Ты знаешь это и без его слов, Харри. Мог бы обойтись с ним помягче.

– Я? – Харри изумленно возрился на нее. – Это был не мой выбор.

– Да что ты! – Ракель взяла со стойки бокал. – То, что мы расстались, не означает, что вы с Олегом больше не должны встречаться. Ваша дружба важна для вас обоих. Привязанности вам даются с таким трудом, что надо бы ценить те, что уже есть.

Харри пригубил свою колу:

– А как у Олега с твоим?

– Его зовут Матиас. – Ракель вздохнула. – Они стараются наладить отношения, но они такие... разные. Матиас идет навстречу, но Олежка все усложняет.

Харри почувствовал сладкий укол умиротворения.

– К тому же Матиас много работает.

– А я-то думал, что тебе не нравится, когда мужик работает, – произнес Харри и в тот же миг пожалел о сказанном.

Но Ракель не рассердилась, она грустно вздохнула:

– Дело было не в том, что ты работал, Харри, а в твоей одержимости. Ты сам *есть* работа, и движет тобой не любовь, не ответственность. А солидарность. Никаких личных устремлений, вот в чем дело. В твоей душе только жажда мести. А это неправильно, Харри, так быть не должно. Ты сам знаешь, что произошло.

«Да, – подумал Харри, – и в твой дом я занес заразу».

Он кашлянул и поинтересовался:

– Ну а твой... он-то хоть занимается... правильными вещами?

– Матиас теперь по ночам дежурит в отделении скорой помощи. Добровольно. А днем читает лекции в Институте анатомии.

– А еще он, конечно, донор и член неправительственной организации «Международная амнистия»?

– Вторая группа с отрицательным резусом – это большая редкость, Харри. А «Амнистию» ты сам поддерживаешь, я же знаю.

Она помешала оранжевой соломинкой в почти полном стакане, красная жидкость заплескалась вокруг кубиков льда. Кошениль.

– Харри... – начала она.

Что-то в ее голосе заставило его напрячься.

– Мы с Матиасом хотим съехаться. После Рождества.

– Так быстро? – Харри провел языком по пересохшему нёбу, стараясь добыть хоть каплю влаги. – Вы же знакомы не больше года.

– Полтора. А к лету мы планируем пожениться.

Магнус Скарре внимательно смотрел на теплую воду, бегущую из крана ему на руки и исчезающую в стоке. Нет. Ничто не исчезает, просто переносится в другое место. Как и те люди, о которых он собирает информацию в течение последних недель. Об этом его попросил Харри. Харри сказал, что там можно что-то нарыть. И что доклад Магнуса ему нужен до праздников. А это означало, что Магнусу придется работать сверхурочно. Сам-то он прекрасно знал, что Харри поручил ему это дело, чтобы он не расслаблялся в этот предпраздничный период. Ребята

из отдела розыска пропавших без вести отказались копаться в старых делах: у них и новых по горло.

Возвращаясь к себе в кабинет по пустынному коридору, Магнус заметил, что его дверь приоткрыта. Он твердо помнил, что закрыл ее, между тем было уже позже девяти – даже охранники давно разошлись. Два года назад у них случился ряд краж из кабинетов. Магнус резко рванул дверь.

Посреди кабинета стояла Катрина Братт. Она обернулась к нему, приподняв одну бровь, как будто это был ее кабинет и ему следовало постучаться, прежде чем войти. А потом снова повернулась к нему спиной.

– Я просто хотела посмотреть, – сказала она, обводя взглядом стены.

– На что? – Скарре огляделся по сторонам. Кабинет был совершенно такой же, как и все остальные, вот только без окна.

– Это же был его кабинет. Так?

– Кого вы имеете в виду? – нахмурился Скарре.

– Холе. Все эти годы это был его кабинет. В том числе и в тот период, когда он расследовал серийные убийства в Австралии. Так?

– Вроде да, – пожал плечами Скарре. – А что?

Катрина Братт провела ладонью по столу:

– А почему он переехал?

Магнус обошел стол и уселся в кресло.

– Здесь нет окна. К тому же его повесили.

– А делил он кабинет сначала с Эллен Йельтен, потом с Джеком Халворсеном, – сказала Катрина Братт. – И обоих убили.

Магнус Скарре заложил руки за голову. А эта новенькая ничего. На класс, а то и на два повыше его будет. Он готов был биться об заклад, что муженек у нее – большой начальник чего-нибудь там и деньжата имеет. Костюмчик-то у нее, пожалуй, дорогой... Но вот если к ней присмотреться как следует, видно: что-то не так. Как будто в ее красоте есть изъян, только не удастся определить, в чем же он заключается.

– Как думаете, может, он слышал их голоса, потому и сменил кабинет? – спросила Братт, изучая карту Норвегии на стене. Скарре обвел на ней населенные пункты Эстланна, откуда за последние четверть века, начиная с 1980 года, пропадали люди.

Скарре улыбнулся и не ответил. Талия у нее была тонкая, спина прямая, и он знал, что она знает, что он ее разглядывает.

– А как он вообще? – не услышав ответа, продолжила она.

– Почему вы этим интересуетесь?

– Новым шефом всегда интересуются.

Тут она была права. Вот только он сам никогда о Харри Холе не думал как о начальнике. Тот, конечно, давал им какие-то задания и возглавлял расследование, но единственное, чего он, собственно, требовал от сотрудников, – не уходить со службы раньше его.

– Вам, вероятно, известно, что у него довольно дурная слава, – осторожно начал Скарре.

Она пожала плечами:

– Если вы о пьянстве – да, я слышала. И что он писал докладные на коллег. Что все остальные начальники мечтают, чтобы его вышвырнули, но предыдущий комиссар прикрыл его своей могущественной дланью.

– Его звали Бьярне Мёллер, – заметил Скарре и посмотрел на карту, на которой кружком был обведен и Берген. Именно там в последний раз видели Мёллера. Перед самым его исчезновением.

– Еще слышала, что местным сотрудникам не очень нравится, что телевидение сделало из него чуть ли не звезду.

Скарре закусил нижнюю губу:

– Он чертовски хороший следователь. Это для меня главное.

– А вам он нравится? – Братт наконец повернулась и наградила его взглядом в упор.

Скарре усмехнулся:

– Нравится – не нравится, не могу сказать. – Он отодвинулся вместе с креслом, положил ноги на стол, потянулся, изобразил зевок. – А над чем вы работаете в столь поздний вечер?

Это была лишь попытка переменить тему. В конце концов, она ниже его по званию, к тому же еще и новенькая.

Катрина Братт в ответ только улыбнулась, как будто он сказал что-то забавное, вышла за дверь и была такова.

Ушла. Ну и отлично. Скарре выругался, сел по-нормальному и снова включил компьютер.

Харри проснулся и некоторое время лежал на спине, глядя в потолок. Сколько он спал? Он повернулся к тумбочке и взглянул на будильник. Без четверти четыре. Ужин был сплошным страданием. Он смотрел на губы Ракели, а она болтала, пила вино, ела мясо и растревляла его рассказами о том, что они с Матиасом думают провести год или два в Ботсване, где правительство объявило войну СПИДу, но там не хватает врачей. Она спросила, встретил ли он кого-нибудь. Он сказал: да, встретил. Друзей детства: Эйстейна и Валенка. Первый был алкоголиком, таксистом и компьютерным фанатом. Второй – алкоголиком и игроком, который наверняка стал бы чемпионом мира по покеру, если бы только умел сохранять невозмутимое выражение лица так же хорошо, как умел читать лица своих соперников. Харри завел было историю о великом проигрыше Валенка в Лас-Вегасе, но вспомнил, что рассказывал ее раньше. К тому же все это было неправдой. Ни с кем он не встречался.

На соседнем столике официант разливал по бокалам какую-то выпивку, и на мгновение Харри охватило сумасшедшее желание вырвать у него бутылку и прижать ее к губам. Вместо этого, однако, он согласился сопровождать Олега на концерт, куда мальчик умолял пойти Ракель. «Slipknot». Харри решил не рассказывать ей, на какой концерт она готова отпустить сына. Группа с обязательным предсмертным хрипом в каждой песне, сатанинской символикой и учащенным бас-ритмом вряд ли могла пробудить в ком-нибудь сентиментальные чувства. Ну а в остальном «Slipknot» ребята интересные, не хуже иных прочих.

Харри откинул одеяло, пошел в кухню, открыл холодную воду и напился из пригоршни. Такой вкусной воды он никогда не пробовал: она стекала с его собственной ладони, с его собственной кожи. Но тут он вдруг выплеснул воду в раковину и уставился на черную стену. Что это? Кто-то движется, что ли? Нет, никого нет, но движение точно есть. Неторопливое, плавное, словно незримая волна проходит по водорослям, над которыми струится вода. Отмершие нити грибницы, крошечные – не увидеть – отростки, споры, которые при малейшем колебании воздуха переносятся с места на место и начинают высасывать соки.

В гостиной Харри включил радио. Все было кончено: в Белом доме начал свой новый президентский срок Джордж Буш.

Харри вернулся в кровать и натянул одеяло на голову.

Юнаса разбудил какой-то звук, и он откинул с лица одеяло. Мальчику почудилось что-то вроде потрескивания – так в тишине воскресного утра хрустит под подошвами снег между домами. Может, это ему приснилось? Он закрыл глаза, но спать расхотелось, вспомнился обрывок сна: отец молча и недвижно стоит перед ним, стекла очков сверкают так, что глаз не видно.

Юнас испугался: это был настоящий кошмар. Он снова открыл глаза и увидел, что металлические трубки «музыки ветра» под потолком шевелятся. Мальчик выпрыгнул из кровати, открыл дверь и выбежал в коридор. Он старался не смотреть вниз на темные ступени лестницы,

ведущей на первый этаж, остановился только перед дверью в спальню родителей и бесконечно осторожно нажал на ручку. Тут он вспомнил, что отец уехал, а уж маму-то можно разбудить. Он вошел в спальню. На полу растянулся четырехугольник лунного света, доползавший до аккуратно заправленной большой кровати. Стрелки настенных часов показывали 01.11. Юнас на секунду застыл от удивления, а потом поспешил вернуться к темной лестнице, которая лежала перед ним как пропасть. Ни единого звука.

– Мама!

Услышав короткое эхо собственного голоса, он испугался еще больше. Потому что теперь она тоже все знала. Темнота.

Никто не отзывался.

Юнас сглотнул и стал спускаться по лестнице.

На третьей ступеньке он почувствовал под ногой что-то мокрое. И на седьмой. И на восьмой. Как будто кто-то прошелся в мокрой обуви. Или с мокрыми ногами.

В гостиной горел свет, но мамы не было. Юнас подошел к окну, чтобы посмотреть, не спят ли Бендиксены, потому что мама иногда ходила туда к Эббе. Но у них все окна были темные.

Он дошел до телефона на кухне, стараясь не думать о темноте, не пускать ее сюда, набрал номер маминого мобильного. И – о радость! – услышал ее мягкий голос. Но это было всего лишь приветствие автоответчика с пожеланием хорошего дня и просьбой оставить сообщение.

А ведь был вовсе не день, была ночь.

В прихожей мальчик сунул ноги в большие отцовские ботинки, натянул прямо на пижаму пуховичок и вышел наружу. Мама говорила, что выпавший снег растает к утру, но сейчас на улице все еще было холодно и легкий ветерок шептал и бормотал что-то в ветвях дуба, росшего у крыльца. До дома Бендиксенов было не больше ста метров, к тому же у их крыльца горели целых два фонаря. Она, должно быть, там. На всякий случай Юнас оглянулся по сторонам. И тут его взгляд упал на снеговика. Тот стоял как и прежде, без движения, все так же повернувшись к дому, купаясь в лучах лунного света. Но все-таки кое-что изменилось, в нем появилось что-то человеческое, знакомое. Юнас посмотрел на дом Бендиксенов. Надо бежать! Однако он не мог сдвинуться с места, стоял как вкопанный, а ледяной ветер осторожно обдувал его со всех сторон. Мальчик медленно обернулся, бросил взгляд на снеговика: до него только что дошло, почему снеговик показался таким знакомым. Теперь на нем был шарф. Розовый шарф. Шарф, который Юнас подарил маме на Рождество.

Глава 4

День второй. Исчезновение

К полудню снег в центре Осло уже растаял. Но он все еще лежал пятнами на газонах района Хофф, по которому проезжали Харри Холе и Катрина Братт. По радио Майкл Стайл пел о предчувствиях, о том, что все пропало, и о мальчиках у колодца. Выехав на еще более тихую улицу, вдоль которой тянулась очередная группа коттеджей, Харри показал на белую «тойоту-короллу», припаркованную возле ограды.

– Вон машина Скарре. Давайте встанем за ней.

Большой желтый дом. Пожалуй, великоват для семьи из трех человек, подумал Харри, поднимаясь к входу по гравийной дорожке. Кругом хлюпало и капало. Во дворе стоял слегка покосившийся снеговик, чьи виды на будущее были явно далеко не радужными.

Дверь открыл сам Скарре. Харри нагнулся и хорошенько рассмотрел замок.

– Следов взлома нет, – сообщил Скарре и повел их в гостиную, где на полу спиной к ним сидел паренек и смотрел по телевизору мультики.

С дивана встала женщина, протянула Харри руку и представилась:

– Эбба Бендиксен, соседка. Ничего подобного с Биртой раньше никогда не случилось. По крайней мере, за время нашего знакомства.

– А вы давно знакомы? – спросил Харри, оглядываясь по сторонам.

Напротив телевизора стояла массивная кожаная мебель и восьмиугольный стеклянный столик. Вокруг светлого обеденного стола были расставлены легкие и элегантные стальные стулья. Как раз такие – он-то знал – нравятся Ракели. На стене висели два портрета каких-то мужиков, с виду директоров банка, которые смотрели сверху вниз в многозначительном молчании. Рядом – абстрактное полотно из разряда модернистского искусства, успевшее выйти из моды, а затем стать еще более модным.

– Десять лет, – ответила Бендиксен. – Мы переехали в дом на той стороне дороги в тот год, когда родился Юнас. – И она кивнула на мальчика, который продолжал смотреть на каких-то водомеров: те скакали за волком, что бежал по экрану и то и дело взрывался.

– Так, значит, это вы сегодня ночью вызвали полицию?

– Да.

– Мальчик позвонил в дверь в четверть второго, – вмешался Скарре, глядя в свои записи.

– Звонок в полицию зафиксирован в час тридцать.

– Я, мальчик и мой муж сначала вернулись и поискали ее в доме, – пояснила Бендиксен.

– А где именно вы искали?

– В подвале. В ванных комнатах. В гараже. Везде. Просто странно, как это можно вот так взять и убежать.

– Убежать?

– Исчезнуть. Пропасть. Полицейский, с которым я говорила по телефону, попросил нас присмотреть за Юнасом и сказал, чтобы мы обзвонили всех знакомых Бирты, у которых она может быть. Ну и дожидаться утра, чтобы узнать, появилась ли она на работе. Он сказал, что в восьми случаях из десяти пропавший человек через несколько часов объявляется сам. Мы попытались связаться с Филипом...

– Муж, – опять вмешался Скарре. – Он был в Бергене, читал лекцию. Профессор чего-то там...

– Физики, – улыбнулась Эбба Бендиксен. – Впрочем, не важно: мобильный у него был выключен. А в каком отеле он остановился, мы не знали.

– С ним связались рано утром, – сообщил Скарре. – Он в Бергене, но скоро будет здесь.

– Да, слава богу, – вздохнула Эбба. – Так вот, когда мы позвонили сегодня утром к Бирте на работу, оказалось, что к обычному времени она так и не появилась. И тут уж мы снова перезвонили вам, в полицию.

Скарре кивнул, подтверждая ее слова. Харри жестом показал, чтобы он продолжал обрабатывать Эббу Бендиксен, а сам подошел к телевизору и сел на пол рядом с мальчиком. На экране волк поджег динамитную шашку и принялся ее раздувать.

– Привет, Юнас, меня зовут Харри. Тебе другие полицейские уже сказали, что такие происшествия, как это, почти всегда заканчиваются хорошо? И тот, кого ищут, в конце концов объявляется сам?

Паренек отрицательно покачал головой.

– Это точно, – сказал Харри. – Как думаешь, где сейчас твоя мама?

– Я не знаю, где она, – пожал плечами мальчик.

– Понятно, что ты не знаешь, Юнас. В настоящий момент никто из нас этого не знает. Но если ее нет ни дома, ни на работе, то где она может быть? Какое место приходит тебе на ум?

Мальчик не ответил. Он по-прежнему не отрывал глаз от волка – тот теперь пытался отшвырнуть динамитную шашку, но та накрепко прилипла к лапе.

– А есть у вас дача или что-нибудь в этом роде, куда обычно вы ездите отдохнуть?

Мальчик вновь покачал головой.

– Может, есть какое-нибудь особое место, куда мама отправляется, когда ей хочется побыть одной?

– Ей не хочется быть одной, – произнес Юнас. – Ей хочется быть вместе со мной.

– Только с тобой?

Мальчик повернулся и посмотрел на Харри. У Юнаса были карие глаза, совсем как у Олега. И в этих карих глазах Харри увидел страх, чего и следовало ожидать, а еще – вину, которой ожидать никак не следовало.

– А почему они пропадают? – спросил мальчик. – Ну, те, что потом возвращаются обратно?

Те же глаза, подумал Харри, те же вопросы. Самые важные.

– По разным причинам, – ответил он. – Кто-то устал. Всегда же найдется от чего устать. А кто-то просто спрятался, чтобы побыть в тишине и спокойствии.

В коридоре послышались шаги, и Харри заметил, как мальчик весь сжался.

Динамит в лапе у волка взорвался, и в тот же самый миг двери гостиной позади них распахнулись.

– Добрый день, – поздоровался голос за спиной, резкий и сдержанный одновременно. – Каково положение дел?

Харри уже обернулся и успел рассмотреть одетого в костюм мужчину лет пятидесяти, который наклонился над журнальным столиком и взял пульт. Телевизор протестующе пискнул, и мультяшная точка схлопнулась в белую точку.

– Ты помнишь, что я сказал о просмотре телевизора посреди дня, Юнас? – произнес мужчина скорбным тоном, который давал понять всем присутствующим, что воспитание детей – совершенно безнадежное дело.

Харри встал, назвал себя и представил Магнуса Скарре и Катрину Братт.

– Филип Беккер, – произнес человек и поправил очки, сдвинув их на переносицу.

Харри попытался поймать его взгляд, чтобы составить первое впечатление о возможном подозреваемом, но глаз за сверкающими стеклами видно не было.

– Я дал себе труд обзвонить всех, с кем она могла бы связаться, но никто ничего не знает, – заявил Филип Беккер. – А вам что-нибудь известно?

– Ничего. Но вы нам очень поможете, если скажете, все ли чемоданы и рюкзаки на месте.
– Харри внимательно посмотрел на Беккера и продолжил: – Тогда мы сможем понять, было ли исчезновение спонтанным или запланированным.

Беккер выдержал оценивающий взгляд Харри, кивнул и отправился на второй этаж.

Харри присел на корточки перед Юнасом, который продолжал смотреть в погасший экран телевизора.

– Значит, ты за водомерок? – спросил он.

Мальчик покачал головой.

– Почему? – сказал Харри.

– Мне жалко волка, – ответил тот еле слышным шепотом.

Через пять минут появился Беккер и сообщил, что ничего не пропало: ни дорожные сумки, ни одежда, за исключением той, что была на ней, плюс, конечно, пальто, сапоги и шарф.

– Хм. – Харри почесал небритый подбородок и покосился на Эббу Бендиксен. – Давайте пройдем с вами в кухню, Беккер.

Беккер пошел вперед, и Харри успел отсемафорить Катрине, чтобы она двигалась за ним. Оказавшись в кухне, профессор устремился к кофеварке и принялся засыпать в нее кофе и наливать воду. Катрина остановилась у двери, а Харри прошел к окну и выглянул на улицу. Голова у снеговика совсем провалилась в плечи.

– В котором часу вы вчера выехали из дома и каким рейсом летели в Берген? – спросил Харри.

– Я выехал около половины десятого, – ответил Беккер без промедления. – Рейс был в пять минут двенадцатого.

– Вы звонили Бирте после того, как вышли из дома?

– Нет.

– Как вы думаете, что произошло?

– Понятия не имею, инспектор. Действительно не имею ни малейшего понятия.

– Хм. – Харри снова взглянул в окно. За все время, что он тут находился, мимо не проехало ни одной машины. На редкость тихое место. Причем обошлась тишина в этом районе города не меньше чем в два миллиона крон. – Какие у вас были отношения с женой? – Он прислушался к возне Филипа Беккера и прибавил: – Я обязан спросить вас об этом, потому что истории со сбежавшими супругами встречаются сплошь и рядом.

Филип Беккер кашлянул:

– Могу вас заверить, инспектор, у нас с женой были замечательные отношения.

– А может так быть, что у нее есть знакомства, о которых вы не знаете?

– Это исключено.

– «Исключено» – довольно сильно сказано, Беккер. Внебрачные связи – обычное дело.

Филип Беккер слабо улыбнулся:

– Я не так наивен, инспектор. Бирта – привлекательная женщина, к тому же намного моложе меня. Причем родом из семьи довольно свободных нравов, надо отметить. Но она не такая. И у меня довольно полное представление о том, что, так сказать, хранится в ее сундуках.

Харри открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но тут кофеварка грозно зарычала. Он передумал и сменил тему:

– Вы не замечали, бывали у вашей жены резкие смены настроения?

– Бирта не склонна к депрессии, инспектор. Она не пошла вешаться в лес и не бросилась в море. Она куда-то пропала, но она жива. Я читал, что люди то и дело пропадают, а затем возвращаются, причем этому находят естественные и довольно банальные объяснения, не так ли?

Харри медленно кивнул:

– Вы не будете против, если мы осмотрим дом?

– Зачем?

Вопрос был задан резким, почти агрессивным тоном, позволившим Харри понять: этот человек привык командовать. И во всем контролировать своих близких. Как же получилось, что его жена исчезла из дома, не сказав, куда направляется?.. Да и какая благополучная нормальная мать бросит посреди ночи десятилетнего сына? Что-то тут определенно не так.

– Иногда мы сами не знаем, что ищем, пока не найдем, – ответил Харри. – Такая практика.

И в это мгновение ему удалось наконец поймать взгляд Беккера, прятаясь за стеклами очков. В отличие от сына глаза у него были светло-голубые, и в них явственно читалась ложь.

– Ну тогда извольте, – разрешил Беккер.

В спальне было прохладно и чисто. Ничем не пахло. На двуспальной кровати лежало вязаное покрывало. На одной тумбочке стояла фотография пожилой женщины. Ее сходство с Филипом Беккером подсказало Харри, что это его половина постели. На другой тумбочке стояла фотография Юнаса. В шкафу с женскими платьями витал слабый аромат духов. Харри заметил, что вешалки висят на равном расстоянии друг от друга, как будто каждая желает, чтобы ее оставили в покое. Черные юбки, тертые короткие джинсы с цветами и блестками. В низу шкафа были ящики. Харри выдвинул верхний. Белье. Черное и красное. Следующий ящик. Чулки и пояса. Третий ящик. Украшения в специальном ярко-красном фетровом держателе с прорезями. Взгляд Харри упал на большой сверкающий перстень с яркими камнями. Ящик был похож на крошечный Лас-Вегас. Ни единой пустой прорези.

Из спальни дверь вела в недавно отремонтированную ванную с душевой кабиной и стальной стойкой для раковины.

В комнате Юнаса Харри сел на маленький стул возле маленькой парты. На парте лежал калькулятор со сложными математическими функциями. Он был новенький, как будто его никто никогда не использовал. Над партой висел плакат: семь дельфинов в волнах – и календарь на весь год. Некоторые даты были обведены кружочками и подписаны печатными буквами. Харри прочитал о днях рождения мамы, бабушки, о поездке в Данию, о зубном враче в десять часов. Две даты в июле были отмечены словом «доктор». Памяток о футбольных матчах, о премьерах фильмов или о днях рождения друзей Харри не увидел.

Тут он боковым зрением заметил розовый шарф, лежащий на кровати. Пожалуй, это не тот цвет, которым хотел бы украсить себя паренек такого возраста. Харри взял шарф. Он был влажный, и до Харри донесся легкий запах волос, кожи и духов. Тех же самых, какими пахло в шкафу в спальне.

Он снова спустился на первый этаж. Остановился возле кухни, где Скарре продолжал задавать стандартные для расследования дела об исчезновении вопросы. Позвякивали кофейные чашки. Диван в гостиной казался огромным, возможно, из-за тщедушного существа, которое сидело там, уткнувшись в книгу. Харри подошел ближе и увидел в ней фотографию Чарли Чаплина во весь рост. Харри присел рядом.

– А ты знаешь, что Чаплин – английский дворянин? Сэр Чарльз.

Юнас кивнул:

– Но они все равно вышвырнули его в США.

Юнас перелистал книгу.

– Ты болел этим летом, Юнас?

– Нет.

– Но ты же был у доктора. Два раза.

– Мама просто хотела, чтобы меня осмотрели. Мама... – Голосок вдруг дрогнул.

- Ты скоро снова ее увидишь, – утешил мальчика Харри и положил ладонь на худенькое плечико. – Она же не взяла с собой розовый шарф. Тот, что лежит у тебя в комнате.
- Его кто-то повязал на шею снеговiku, – тихо произнес Юнас. – А я забрал обратно.
- Это, наверное, мама не хотела, чтобы снеговик замерз.
- Она бы никогда не отдала свой любимый шарф снеговiku.
- Ну, может быть, это сделал папа.
- Нет, это сделал кто-то другой, после того как он уже уехал. Ночью. Тот, кто украл маму. Харри медленно кивнул:
- А кто этого снеговика скатал, Юнас?
- Не знаю.

Харри посмотрел в окно. Вот почему он приехал сюда сам, а не послал кого-нибудь из сотрудников. Ему почудилось, будто через всю комнату прошла ледяная трещина.

Харри и Катрина сели в машину и отправились вниз по улице Хиркедалсвейен по направлению к Майорстуа.

- Что вы первым делом отметили, когда мы приехали? – обратился Харри к напарнице.
- То, что там живут далеко не родственные души, – ответила Катрина, пролетая на всех парах пункт въезда на платную дорогу. – Скорее всего, у них несчастливый брак. Вдобавок заправляет в семье муж.
- Хм. А почему вы так подумали?
- Ну, это же совершенно очевидно, – улыбнулась Катрина и взглянула в зеркало заднего вида. – Разница во вкусах.
- Поясните.
- Вы видели этот безобразный диван и столик в гостиной? Типичная мебель «под девятнадцатый век», купленная человеком двадцатого века. Но обеденный стол из беленого дуба с алюминиевыми ножками выбирала она. К тому же это «Витра».
- Что за «Витра»?
- Фирма. Швейцарская. Дорогая. Такая дорогая, что, если бы она купила вполне приличные копии, а не оригинал, сэкономила бы на обстановку для всей этой чертовой гостиной.
- Харри отметил про себя, что чертыхнулась Катрина не так, как это делают обычно. В ее устах ругательство звучало неким языковым контрапунктом, который лишний раз подчеркивал ее принадлежность к высшему классу.
- Ну и что?
- Понятно, что в таком крутом домище, да еще в таком районе Осло деньги – не вопрос. Но ей не позволили сменить его диван и столик. А когда человек без вкуса, но с явным интересом к вопросам интерьера настаивает на своем, это делает понятным, кто в доме хозяин.
- Харри кивнул, больше своим собственным мыслям. Первое впечатление его никогда не обманывало. Катрина Братт оказалась молодцом.
- Теперь расскажите, что вы думаете, – попросила она. – Это же я вроде как должна у вас учиться.
- Харри скользнул глазами по старой, богатой традициями, но все же абсолютно нереспектабельной забегаловке под названием «Лепсвик»:
- Я думаю, Бирта Беккер покинула дом не по своей воле.
- Но ведь никаких следов насилия нет!
- Потому что все было хорошо спланировано.
- А кто же преступник? Муж? Чаще всего так оно и бывает, правда?
- Ну да, – ответил Харри, ощущая, как мысли растекаются в разные стороны. – Виноват всегда муж.
- Только вот этот конкретный муж был в Бергене.

– Да, похоже на то.

– Причем улетел последним рейсом, так что никак не мог вернуться домой, а потом успеть на раннюю лекцию. – Катрина поддала газу и проскочила перекресток возле Майорстуа на желтый. – Если бы Филип Беккер был виновен, он бы схватил наживку, которую вы ему бросили.

– Наживку?

– Да. Когда вы спросили, бывали ли у нее смены настроения. Вы дали Беккеру понять, что подозреваете самоубийство.

– И что?

– Да ладно, Харри! – громко рассмеялась она. – Все вокруг, включая Беккера, знают, что, когда речь идет о самоубийстве, полиция привлекает к расследованию минимум сотрудников. Вы дали ему возможность подкрепить версию, которая – если бы он был виновен – была бы ему на руку и решила большинство его проблем. Но он четко ответил вам, что его половина радовалась жизни по полной.

– Угу. То есть вы считаете, что мой вопрос был «проверкой на вшивость»?

– Вы же постоянно проверяете людей, Харри. И меня тоже.

Харри не отвечал, пока они не доехали до улицы Бугстадвейен, и лишь тогда произнес:

– Люди частенько оказываются гораздо умнее, чем о них думаешь, – и замолчал. Когда они припарковались возле Полицейского управления, он сообщил: – До конца дня я буду работать один.

А сказал он это потому, что все это время думал о розовом шарфе и наконец принял решение: взять у Скарре материалы по делам об исчезновении людей, чтобы получить подтверждение своим мучительным подозрениям. Если подозрения подтвердятся, отнести письмо комиссару Гуннару Хагену. То самое, проклятое письмо.

Глава 5

4 ноября 1992 года. Тотемный столб

Когда 19 августа 1946 года в Арканзасе, в небольшом городишке Хоуп, то бишь Надежда, на свет появился Уильям Джефферсон Блайт III, прошло уже почти три месяца с тех пор, как его отец погиб в автомобильной катастрофе. Четыре года спустя мать Уильяма опять вышла замуж, и Уильям взял фамилию нового отца. А теперь, сорок лет спустя после этих событий, стояла ноябрьская ночь 1992 года и белое конфетти снега падало с небес на улицы Надежды, празднуя победу городишкиных собственных надежд, ибо его уроженец, Уильям – или просто Билл – Клинтон, был избран сорок вторым президентом США.

А вот снег, что падал той же ночью на город Берген, не успевал даже долететь до земли и превращался в дождь, который поливал улицы, как будто стояла середина сентября. Однако, когда настало утро, вершины семи гор, что охраняют этот прекрасный город, были хорошенько присыпаны сахарной пудрой. И на самой высокой горе – Ульрикен – уже находился инспектор полиции Герт Рафто. Он, дрожа, вдыхал горный воздух и втягивал в плечи большую голову; столько морщин пролегло на его лице, словно его кто-то смял, как ненужный листок бумаги.

Желтый вагончик, который доставил Рафто и троих его коллег-криминалистов из Управления криминальной полиции Бергена на высоту 642 метра над городом, висел, слегка раскачиваясь в ожидании, на прочных стальных тросах. Фуникулер закрыли, как только в полицию позвонили первые туристы, решившие побывать этим утром на известной горной вершине.

– Елки зеленые! – воскликнул один из криминалистов.

Это выражение прозвучало как пародия «понаехавших» на истинный бергенский диалект, что было особенно смешно, если учесть, что настоящие бергенцы давно так не говорят. Но в ситуациях, когда ужас и тошнота берут над человеком верх, как-то сами собой вылезают старые, родные словечки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.